



Элис Код

Шесть сторон света

Книга I

Элис Код

Шесть сторон света. Книга 1

«Автор»

2024

Код Э.

Шесть сторон света. Книга 1 / Э. Код — «Автор», 2024

В конце каждой эры проводится масштабное состязание, в котором принимают участие шестеро избранных. Их задача - собрать шесть реликвий и тот, кто сможет его пройти, станет Создателем - богом этого мира. Однако в этом испытании может быть только один победитель, а проигравшие должны будут заплатить своей жизнью. Эйнджел Найт - обычный городской парень, однажды встречает странного человека, который оказывается одним из хранителей божественных реликвий. Тот сообщает, что Эйнджел - один из шести избранных и теперь им вдвоём следует отправиться в длинное путешествие. Кто знает, что ждёт их впереди?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Элис Код

Шесть сторон света. Книга 1

Пролог

День клонился к закату. На западе, по правую сторону, в предсмертной агонии пылало багровое солнце. Небо, охваченное пожаром заката, манило взгляд — гипнотизирующее, прекрасное зрелище. Но задерживаться не было времени. Мне нужно было добраться до того городка... Как он назывался? Не помню. Да и какая разница? Бросив последний взгляд на почти скрывшийся за горизонт огненный диск, я зашагал быстрее. До города оставалось прилично, а ночевать у дороги четвертую ночь подряд совсем не хотелось.

— Ничего, Эйнджел, — пытался я успокоить сам себя. — Пройдешь сегодня чуть больше — зато там тебя ждет горячая еда и мягкая кровать. Потерпи, всего лишь потерпи.

Утешение было слабым, но я изо всех сил цеплялся за светлые мысли, отгоняя мрачные. Долгий путь в одиночку давал о себе знать — ныли мышцы, слипались глаза. Да и дикие звери, нападавшие на меня за эти четыре дня, оставили о себе память: один паршивец все-таки цапнул за руку. Не сильно, но сейчас, на фоне усталости, царапина жгуче напоминала о себе. Трудно думать о хорошем, когда хорошего нет. Но что поделаешь? Упасть здесь и сейчас, разревшись над своими бедами, как мальчишка? Толку не будет — только время и силы потеряю, да еще и шум навлечет новую стаю. Нет, я поступлю иначе. Сожму кулаки, стисну зубы и пойду. Так меня учил отец. «Так поступают настоящие мужчины, Эйнджел, — говаривал он. — Приучай себя к терпению сейчас, пока молод». Отец — человек уважаемый, слова на ветер не бросает. Его советам стоит следовать.

Солнце скрылось, окончательно сдав небо во власть надвигающейся ночи. В сумерках заалели первые звезды, а на горизонте наконец-то проступили темные силуэты городских стен. Я прибавил шаг, почти побежал. Ночь — время опасное, маленькие города закрывают ворота после заката. К счастью, я успел. До закрытия оставалось меньше получаса. Стража на входе провела быстрый досмотр, расспросила о цели визита и, не найдя ничего подозрительного, пропустила. У тех же стражников я узнал дорогу к казармам, поблагодарил и зашагал в указанном направлении. Мне нужно было найти капитана Маркуса, старого друга нашей семьи, которого я никогда не видел. Отец велел передать ему важную посылку и письмо — доверить такое мог только мне. Перспектива быть посыльным не радовала, но это было скорее приказом, чем просьбой. Спорить я не стал.

В казармах царил почти безлюдье. После тяжелого дня стража разбрелась по тавернам — опрокинуть кружку-другую, сыграть в карты, отдохнуть. В это время здесь оставались лишь новички, дежурные да капитан. Что ж, даже лучше — меньше лишних глаз. Кабинет капитана нашелся быстро. Маркус был на месте, но мой поздний визит явно удивил его.

— Ты кто такой? — строго спросил он, и я на миг растерялся.

— Я... Меня зовут Эйнджел. Эйнджел Найт. Я сын Брайана Найта.

— Сын Брайана? — в его голосе мелькнуло удивление. — Давно я его не видел. Что нужно?

— Отец просил передать вам это. — Я подошел к столу, снял наплечный мешок и достал тщательно завернутый в ткань и перевязанный веревкой предмет. По форме угадывалась книга, возможно, очень ценная. Положив сверток на стол, я вынул из нагрудного кармана запечатанное письмо и протянул капитану.

— «Капитану стражи в городе Тредо», — прочел он вслух. — Любопытно. Разберусь позже. Ты, наверное, устал с дороги. Путь от столицы неблизкий, да и трактиров по пути не

встретишь. Пойдем, мальчик, сегодня остановишься у меня. Возражения не принимаются! Ты сын Брайана, моего старого друга и спасителя.

Столь резкая смена тона удивила, но в животе урчало, спина горела, а в ушах все еще стоял волчий вой. Я не стал упрямиться. По дороге к его дому мы разговорились, и я немного ожил. Маркус рассказал, как во время войны отец вытащил его из плена, как они подружились. Слушать, как практически незнакомый человек называет твоего отца героем, было приятно и странно одновременно.

Дом капитана оказался не роскошным, но просторным и уютным — то, что нужно старому солдату. Нас встретила его жена, добрая женщина, которая тут же принялась причитать над «бедным мальчиком, загнанным в такую даль». Быстро накрыв ужин, она отправилась готовить мне комнату, а мы с Маркусом принялись за еду. Боже, каким же блаженством после долгих дней сухого пайка и воды были этот горячий густой суп, запеченное мясо и свежий, еще теплый хлеб! Капитан уже собрался расспрашивать меня о жизни, но жена его остановила: «Дай парню с дороги отдохнуть, успеешь еще».

Истинное счастье накрыло меня, когда я наконец погрузился в мягкое ложе. После трех ночей на голой земле под вой волков кровать казалась раем. Да, жизнь вне города — не для меня. Вот если бы я был путешественником... но виноват ли я, что за все годы ни разу не покидал родных стен?

В комнате было тепло и сухо, за окном тихо шумел ночной город, в голове остались лишь добрые мысли. Я обработал ту злополучную царапину и вскоре забыл о ней. Усталость взяла свое, и я провалился в сон мгновенно.

Проснулся я уже поздним утром, но усталость все еще висела на мне тяжелым плащом. Такие путешествия, с непривычки, выматывают намертво. Оглядевшись, я увидел на стуле свою одежду — чистую и сухую. Сердце ёкнуло от благодарности. Дом был наполнен ароматами готовящегося завтрака, и это добавляло радости. Я встал, оделся, мельком глянул в зеркало — выглядел более-менее по-человечески — и вышел из комнаты.

Спускаясь по лестнице, я услышал за дверью сдержанный шум, и внутри всё похолодело. «Что-то случилось». Едва я ступил на последнюю ступеньку, дверь распахнулась, и в прихожую ворвались четверо стражников. Пятым, последним, вошел Маркус. Я даже рот открыть не успел, как он резко скомандовал, указывая на меня:

— Взять его!

Стража в этом городе зря хлеб не ела. В мгновение ока они оказались рядом, грубо заломили мне руки за спину и скрутили ремнями. Прошло не больше трех секунд. Осознание происходящего накрыло меня с запозданием.

— Господин Маркус, что происходит?!

— Молчи и не дёргайся. Так будет лучше.

Он кивком велел страже следовать и вышел на улицу. Двое солдат поволокли меня за собой, еще двое шли сзади. Как будто простого связывания было мало! Что за чертовщина творится? Вопросы рвались наружу, но в моем положении разумнее было слушаться. А пока мне велели молчать. Мы шли в напряженной, гнетущей тишине, словно боялись спугнуть кого-то. Хотя мы и избегали главной площади, на улицах уже появились люди. Горожане с привычным любопытством глазели на процессию, и их взгляды больно впивались в меня, будто я был диковинным зверем, пойманным для потехи толпы. Вся ситуация была невыносимо унижительной. Я был уверен, что это какая-то чудовищная ошибка, и пару раз мне даже казалось, что я все еще сплю. Но сон не кончался.

Окольными путями мы пришли к тем же казармам, где я был вчера. Теперь двор был полон народу — стража проводила утреннюю тренировку. Наша группа миновала его и направилась вглубь крепости. Через пару минут я с ужасом понял, куда мы идем. Расположение

укреплений в нашей стране я знал непонаслышке — мы двигались прямым ходом к тюремным камерам.

Сердце заколотилось чаще. Тюрьмы я не любил, а перспектива оказаться за решеткой пугала до тошноты. Но мимо камер мы прошли, свернули и вошли в какую-то комнату. Тут уж паника вцепилась в горло ледяными когтями. Мы были в пыточной. Цепи, ремни, жуткие орудия, чье назначение я боялся угадать — всё это встретило меня в полумраке сырого помещения. Маркус показал на стул в центре того, что показалось мне магическим кругом. Стража усадила меня, привязав к спинке, и по знаку капитана удалилась. Дверь захлопнулась. Маркус подошел, остановившись у границы круга.

Паника окончательно захлестнула меня.

— Господин Маркус, что происходит? Я ничего не понимаю!

— Это ты должен объяснить, что происходит!

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите?!

Он помолчал, пристально глядя на меня, затем сказал:

— Прежде чем я что-то объясню, мне нужно убедиться, что ты — это ты. Рассказывай мне всё о себе, начиная с самого детства. Затем — что случилось неделю назад. А там посмотрим.

— Хорошо, — нервно вздохнул я. — Расскажу. Но обещайте, что потом вы мне всё объясните.

— Обещаю. Говори.

Глава 1

Меня зовут Эйнджел Найт. Мне недавно исполнилось двадцать. Я сын капитана стражи Брайана Найта, который сейчас служит в столице Великого Миддейна, Флаеморе. Моя мать, Лиана, — целительница в одном из столичных храмов. А еще у меня есть младшая сестренка. Я сам родился и вырос в Флаеморе. Отец учил меня всему, что знал сам: владению оружием, верховой езде, грамоте и счёту. Он мечтал, чтобы я пошел по его стопам в армию, но этому не суждено было сбыться, во многом по моей вине.

Когда родилась сестра, все родительское внимание досталось ей. Я почувствовал себя брошенным и пустился во все тяжкие в поисках приключений. Иногда это были безобидные шалости — драки с друзьями, передразнивание стражников. Порой заходило дальше. Нет, я не горжусь этим, но прошлого не изменить — я был глупым мальчишкой. Отец знал, как меня усмирить: он загонял меня на тренировках в три раза сильнее обычного. На пару дней это помогало, а потом я снова влипал в историю.

Но всему приходит конец. К пятнадцати годам ко мне наконец-то пришло какое-то подобие ума, и я поутих. Мне, как и любому парнишке в этом возрасте, хотелось себя проявить, поучаствовать в настоящем деле. Отец это заметил и хотел отдать меня в рекруты. Возраст подходящий, навыки — благодаря постоянным тренировкам — отличные. Но его планы рухнули. В корпусе уже давно наслышались о моих «подвигах», а репутация для них значила много. Меня отказались принимать. Даже шанса не дали себя проявить.

Сказать, что отец разозлился — значит ничего не сказать. Мне же было нестерпимо стыдно. Мы тогда здорово поссорились. И я решил во что бы то ни стало вернуть его расположение. Решил сделать ему подарок — хороший меч. Бывший солдат должен был оценить. Но где взять на него деньги? Нужна была работа, приличная и честная. К счастью, друзья не отказали в помощи и после долгих поисков один приятель позвал меня в кузницу, которой владел его отец. Уверен, помощник был нужен больше ему, чем мастеру, но это был лучший вариант. Сам кузнец поначалу отнесся ко мне без энтузиазма, но всё-таки согласился принять меня в помощники.

Я надеялся подзаработать на меч, но не ожидал, что в последствии стану учеником! Особым талантом к кузнечному делу я не блистал, но вкладывался с головой. Через пару лет уже мог выковать неплохой клинок. Отец был счастлив узнать, что сын «взялся за ум». Пусть не гвардеец, но занимаюсь добрым делом, да и мастер хвалил за упорство. Мы с отцом помирились. Конфликт исчерпался, но свое намерение я не оставил. И вот, спустя время, я выковал клинок, который не стыдно было бы вручить такому воину, как мой отец. Не самый лучший в его жизни, но хороший, честный. В него я вложил кучу сил, времени и денег на материалы. Наставник тогда сказал, что такими темпами я скоро превзойду его мастерство. Это была первая по-настоящему высокая оценка. Я понял — это тот самый меч. И, едва вернувшись домой, вручил его отцу.

К моему удивлению, это сработало. Он был тронут. Я долго извинялся за свое ужасное поведение, говорил, что осознал ошибки. Он ответил, что давно простил меня, потому что я его сын и он меня любит, а то, что я нашел дело по душе, радует его больше всего. Но меч... меч он не взял. Не потому, что не понравился. Просто решил, что владеть им должен я.

— Ты создал этот клинок, — сказал он. — Ты вложил в него душу. Тебе им и пользоваться. Пусть он будет не только защитой, но и напоминанием: любую ошибку можно исправить, если упорно трудиться.

Так у меня появился отличный меч, и я поклялся больше не огорчать старика. Я был счастлив! Кузнечное дело мне полюбилось, и я продолжал заниматься им до недавнего времени. Пока неделю назад не произошло кое-что.

Я возвращался домой после долгого дня в кузнице. Уже стемнело, и я спешил — знал, мать начнет волноваться. Чтобы срезать путь, свернул в переулки. Признаться, ходить по ним мне не доводилось. Через некоторое время я понял, что заблудился, и решил вернуться. В этот момент неподалеку раздался крик. Первым порывом было бежать. Но прозвучал второй крик — женский. И во мне вспыхнуло желание помочь. Сейчас, оглядываясь, я жалею, что не сбежал тогда. Но в тот миг в голове были иные мысли: «Чего бояться? У меня есть меч, а впереди — опасность!» Я помчался на звук, воображая, как спасаю прекрасную девушку из лап бандита, как беру ее на руки, как она осыпает меня благодарностями... Эти картинки гнали меня вперед.

На месте я увидел жуткое зрелище: молоденькая девушка лежала на земле, а над ней клубилось... привидение! Эти неживые твари бродят среди нас, охотясь на души. По книгам, они чаще нападают ночью, на спящих. Но вокруг больших городов стоят защитные барьеры! Как эта нечисть оказалась здесь? Я оцепенел от ужаса, не в силах пошевелиться. Чудовище, видимо, высосав жизнь из несчастной, озиралось в поисках новой жертвы. Его взгляд упал на меня. Оно поплыло в мою сторону. Я хотел бежать, но ноги стали ватными, взгляд приковало к приближающемуся полупрозрачному силуэту. Когда призрак преодолел половину расстояния, я услышал чей-то голос. Существо замерло, а через миг растворилось в воздухе.

К девушке подошел человек. Похоже, это его голос я и слышал. Он осмотрел лежащую, и лишь потом заметил меня. Наши взгляды встретились. Я был парализован страхом. Он сказал тихо, почти беззвучно:

— Не волнуйся. Она просто от испуга в обморок упала.

Я вздрогнул. В его голосе было что-то отталкивающее — ледяное и чуждое. Может, это был просто страх. Постояв, он так же неторопливо, как тот призрак, направился ко мне. Шаг за шагом. Я в ужасе наблюдал, не смея двинуться. Он встал вплотную и начал разглядывать меня с нескрываемым любопытством. Я сквозь пелену страха тоже вглядывался в него.

Мужчина средних лет, высокий — на голову выше меня. На нем был полный комплект церемониальной брони, украшенной рунами, через плечо перекинут алый плащ. Длинные черные волосы собраны в хвост. Простые люди так не одеваются — передо мной был явно благородный господин, возможно, даже из королевской семьи. Что ему нужно в этих трущобах? Он заметил мой взгляд и прервал молчание:

— Здравствуй, Эйнджел.

Я не мог вымолвить ни слова, лишь беззвучно шевелил губами.

— Понимаю, — продолжил он. — Ты в недоумении. Но наша встреча предрешена. Сейчас я не могу рассказать всего. Знай лишь одно: с этого момента твоя жизнь изменится. Эта встреча запустит цепь событий, и в них тебе уготована главная роль.

— Я не понимаю...

— Поймешь со временем. А сейчас просто знай: твоя главная миссия в этом мире началась.

Он что-то прошептал. У меня перехватило дыхание, внутри всё похолодело, мир поплыл и потемнел...

Очнулся я уже дома. Сначала подумал — кошмар. Ан нет! Оказалось, я пролежал без сознания два дня. Бедная мать с ума сходила от волнения. Как я позже узнал, в ту ночь полчища призраков заполонили улицы. Стража с инквизицией кое-как отбили атаку, а в той самой подворотне отец нашел меня. Он решил, что я стал жертвой нежити, и перепугался насмерть, но жрецы не нашли следов темной магии, да и сам чувствовал себя отлично, потому решил отцу ничего не рассказывать. Инквизиторов я терпеть не мог, а они терпеть не могли всех, кто хоть как-то связан с магией. Расскажи я — и дорога в их логово была бы мне заказана. Я солгал. Обрезал историю на встрече с незнакомцем, сказав, что наткнулся на грабителя, который оглушил меня. Отец отнесся к рассказу с подозрением, но допытываться не стал.

Не прошло и дня, как отец снова вызвал меня. Я уж было решил, что он вернется к ночным событиям, но опасения не оправдались. Вместо этого он дал поручение: доставить важную посылку его другу, капитану стражи города Трэдо. Я удивился: почему бы не послать кого-то еще? Но отец настаивал. Злить его снова не хотелось, да и это был шанс сбежать от столичных волнений. Я согласился. Путь из Флаемора в Трэдо занял у меня неполных четыре дня. А дальше вы знаете.

Глава 2

Я закончил и замолчал. В пыточной повисла тишина, которую нарушал лишь прерывистый звук моего дыхания. Капитан обдумывал услышанное. Конечности онемели от неудобной позы, но я боялся пошевелиться. К счастью, заговорил первым Маркус.

— Да, Эйнджел, — тяжело вздохнул он. — Твой рассказ многое прояснил.

— О чем вы? — не выдержал я. Нервы были на пределе. — Вы обещали объяснить всё, если я расскажу! Я рассказал. Теперь ваша очередь.

Он усмехнулся. Связанный парень, конечно, не выглядел угрожающе. Капитан медленно достал из кармана листок, развернул его.

— Это то самое письмо, которое ты мне доставил. Оно от Брайана, я узнаю почерк. Сегодня утром я решил прочесть его в первую очередь. И его содержание заставило меня арестовать тебя и привести сюда.

Я все еще не понимал, что там могло быть такого. Маркус, видя мое недоумение, начал читать вслух:

«Дорогой друг Маркус!

Пишу тебе по делу крайне серьезному и тяжелому. В нашей семье случилась беда, и я надеюсь лишь на твою дружескую помощь.

Два дня назад Флаемор атаковала армия призраков. Не знаю, как быстро вести дойдут до Трэдо, но надеюсь, к моменту получения письма ты уже будешь в курсе. Мы с тобой знаем, что набеги нежити на деревни и малые города — дело привычное, но чтобы на столицу... Впервые. Сейчас мои люди вместе с инквизицией ведут расследование. Подозреваю магическое вмешательство.

Но пишу я не об этом. После того как мы отбили атаку, я бросился домой, дабы удостовериться, что с семьей все в порядке. По дороге, на глухой улице, к своему ужасу, я нашел своего сына Эйнджела. Он лежал без сознания, сжимая в руках какую-то книгу, которую я тогда рассмотреть не успел. Я испугался, что он стал жертвой нежити, но жрецы не нашли и следа скверны.

И все же я знаю: с моим сыном что-то не так. Умоляю, проверь, не омрачен ли его разум проклятьем. Попроси рассказать о себе. Я регулярно писал тебе о семье, ты знаешь, каким должен быть его рассказ. Выясни, что случилось с ним в ту ночь на самом деле. Уверен, он скрывает это от меня, боясь инквизиции, но в том, что произошло, скорее всего, виноват я. Прошу отнестись с пониманием к тому, что напишу дальше, и рассказать моему сыну эту историю. Но только после того, как убедишься в том, что он чист.

Произошло это много лет назад, через пару месяцев после рождения Эйнджела. В столице бушевала эпидемия. Лиана дни и ночи проводила в храме, помогая больным. Возвращалась лишь покормить младенца и поспать. Испытание для нас всех было тяжким. Война только закончилась, денег было в обрез. И когда Лиана сама слегла, я оказался бессилен: нужных снадобий не достать. Жрецы в храме были, но их искусство — детская забава по сравнению с даром моей любимой. Я отчаялся. Больно и обидно было смотреть, как она с каждым днем угасает. Я хоронил горе в кружке.

И вот однажды, возвращаясь из таверны пьяным в стельку, я столкнулся со странным человеком. Обличья его не помню, но броня, украшенная рунами, резала глаз. И, похоже, только мой. Он предложил любую помощь в обмен на кое-что с моей стороны. Я, пьяный и озлобленный, решил над ним подиутить. Повел его к себе, подвел к ложу умирающей жены и сказал: «Исцели ее. Сию же секунду. Тогда проси чего пожелаешь». На чудо я не надеялся — просто хотел посмотреть, как он будет отнекиваться. Но незнакомец не смутился. Протя-

нул руку, коснулся лба Лианы... и произошло невозможное! Кожа порозовела, дыхание выровнялось. Она исцелилась у меня на глазах.

Я протрезвел мгновенно. Решил, что передо мной беглый маг, отвергший учение, опасный и непредсказуемый. Испугался, что он навредил Лиане, хотел выгнать его, но тот и не думал уходить. В этот момент проснулась Лиана. К моему изумлению, она заявила, что чувствует себя прекрасно. Хотела бежать обратно в храм, но я уговорил ее отдохнуть.

Все это время незнакомец стоял у стены, возле колыбели. И словно бы был невидим для Лианы! Меня это насторожило, но я решил, что так даже лучше — меньше волнений для жены. Когда она снова уснула, я подошел к гостю — время платить по долгам. Был безмерно благодарен и сказал, чтобы просил чего хочет, но то, что он потребовал...

Он попросил у меня Эйнджела.

Точнее, он сказал, что сейчас ему мальчиш не нужен, но через какое-то время он явится за ним, и тогда моему сыну предстоит стать частью великого события, что изменит мир.

Я был в шоке. Какой-то странный тип излечивает жену и требует моего сына «на потом»! Я попытался отказаться, но он не слушал: «Ты согласился на сделку, когда пригласил меня в дом». Он протянул руку к колыбели, погладил младенца по голове, развернулся и исчез, не сказав больше ни слова.

Прошли годы. Я почти забыл тот случай — мало ли что померещится в пьяном бреду? Но события той ночи всё вспомнили. А именно — та книга в руках Эйнджела. Под обложкой я нашел клочок бумаги: «Настало время вернуть долг». Саму книгу прочесть не удалось — она зачарована. И я понял: в ту ночь тот человек (если это был человек) приходил за моим сыном.

Эйнджелу опасно оставаться в городе. Если инквизиция узнает, беды не миновать. Да и тот тип, полагаю, все еще здесь и снова придет за ним. Умоляю, Маркус, помоги моему мальчишке разобраться. Я отправляю его к тебе с книгой и этим письмом под предлогом важного поручения. Надеюсь, ты поймешь серьезность ситуации и поможешь.

С уважением,

Брайан Нйт, капитан стражи Флаемора.»

Маркус сложил письмо и убрал его в карман. У меня в голове всё перепуталось. Очень хотелось верить, что это ошибка, но факты говорили сами за себя.

— Поэтому, — снова начал капитан, — я привел тебя сюда. Ты сейчас внутри круга правды. Он определяет, лжешь ты или нет. Связывать тебя было необязательно, но для отвода глаз. Попробуй солгать — круг вспламенится, даже если ложь продиктована проклятьем. Поступим так: я развяжу тебя, ты медленно выйдешь из круга, и мы посмотрим на его реакцию.

Он обошел стул, развязал веревки и снова встал у границы. Я поднялся, ноги одеревенели, и медленно переступил через мерцающую линию. Никакого сопротивления. Я вышел, и круг погас. Маркус нахмурился. Что-то было не так.

— Ну что? Я вышел, и со мной всё в порядке? — спросил я первым, в голосе прозвучала надежда.

— Отчасти, — капитан поднял взгляд от потемневшего круга. — Но в чем-то ты ошибаешься. С тобой явно что-то не так.

— Что вы имеете в виду?! — возмутился я. Ситуация снова начинала бесить. — Вы же сами сказали: выйду — значит, чист!

— Ты прав, ты чист. Но не совсем.

— Это как?

— Когда ты вышел, круг погас. А не должен был. Насколько я знаю, такая реакция — если рядом маг.

— Разве такое возможно? Я родился без магических способностей.

— Не уверен, — протянул Маркус, глядя на погасшую пентаграмму. — Может, это какое-то проклятье? В любом случае, надо выяснить. Магия — штука опасная, и кто знает, как это аукнется.

Глава 3

Если раньше приключения были желанной игрой, то теперь они настигли меня против воли, и это было отвратительно. Тот человек, кем бы он ни был, оказался прав — с той злополучной ночи моя жизнь перевернулась с ног на голову. Узнав правду, я не желал возвращаться домой. Я чувствовал себя преданным. Отец, в сущности, продал меня когда-то давно первому встречному за дешёвый фокус, даже не задумавшись, что, возможно, отдаёт своё дитя нечисти. Как можно было совершить подобное и молчать все эти годы?

Признаться, в замешательстве пребывал и сам господин Маркус. Как выяснилось, он знал эту историю, но в куда более прилаженном виде: матушка действительно тогда тяжело заболела, но позднее пошла на поправку, и отец списал её выздоровление на крепость духа и милость Создателя. Маркусу, впрочем, было не до тонкостей — он прекрасно понимал мою боль и позволил мне остаться у него на неопределённый срок, не тревожа рану свежими расспросами. К тому же, он не хотел отпускать меня, пока не разберётся с этим проклятием. Сам он, конечно, ничего сделать не мог, но пообещал помочь найти нужного человека или обряд, который вернёт всё в норму. Подавленный и сломленный, я принял его помощь.

После случившегося прошло около трёх недель. Я понемногу приходил в себя, но написать домой всё ещё не решался. За меня это сделал Маркус, отправив весточку, что со мной всё в порядке и я просто решил погостить у друга семьи. Капитан, кстати, начинал мне нравиться — не такой суровый, как отец, но требовательный и справедливый. Он проводил время с подчинёнными то на тренировках, то в патрулях, а порой и в таверне за кружкой эля. Солдаты относились к нему с неподдельным уважением — вероятно, потому что и он видел в каждом личность, а не расходный материал. Если у кого-то случалась беда, он закрывал глаза на отсутствие, но позже требовал отработать потраченное время. Это было честно, и никто не роптал, отправляясь в вечерний патруль после пропущенной дневной смены. В общем, Маркус был уважаемым человеком, и заслуженно.

За время, проведённое вместе, мы кое-что выяснили. Например, что наложение проклятий не проходит бесследно — при должных знаниях можно узнать, чья именно магия стоит за ним. Книгу мы тоже пытались прочесть, но не продвинулись дальше отца. Буквы расплывались, едва я пытался сложить их в осмысленную строку; урывчатые фразы не давали целостной картины. Значение книги оставалось тайной, и мы решили не тратить на неё силы.

Главной же проблемой оставалось проклятие. Неясность его природы делала поиск противоядия почти невозможным. Я не чувствовал недомогания, вокруг не случалось ничего странного. Какое-то глупое, бесполезное проклятие, не дающее ни урона, ни преимуществ. Проблема усугублялась тем, что в городах магов было мало — их недолюбливали. Считалось, что сила магии — антипод силе божественной, а сами волшебники заключают сделки с демонами ради могущества. Лишь те, кто воспитывался при храме, могли практиковать открыто. Они отреклись от всего тёмного и посвятили свою силу добрым делам, как того требовал Создатель. Но такие маги в проклятиях не смыслили ничего. Снимать их умели от силы десять человек на всю страну. Значит, помощь нужно было искать у тех, кто растил свой дар не под святыми сводами, а в тени и тайне. Проще говоря, нам требовался волшебник, знакомый с чёрной магией не понаслышке.

Найти такого — задача не из лёгких. Люди подобного толка редко афишируют свои способности. Хорошо, что я искал не один. У Маркуса в городе были связи, и уже через неделю нужные люди вышли на след одной ведьмы. Мы решили не тянуть и назначили встречу. К моему удивлению, она согласилась почти сразу и попросила прийти к ней домой ближе к полуночи. Весь день я провёл на нервах, преследуемый смутным предчувствием, что что-то пойдёт не так. Маркус же, напротив, вёл себя как обычно — или просто умел не показывать волне-

ния. Когда настала ночь, капитан молча накинул плащ, бросил «Идём» и зашагал вперёд. Я последовал за ним.

Хоть я и жил в Трэдо уже две недели, узнать его поближе мне так и не удалось — всё время уходило на поиски информации в книгах. Поэтому теперь я лишь старался не отставать, петляя за Маркусом по тёмным улочкам, освещаемым лишь редкими факелами стражников и тусклым светом из окон. В такой час порядочный человек на улице не появлялся — каждый угол мог скрывать вора или бандита. Но куда страшнее была возможность встретить призрака. От вора откупишься парой монет; встреча с нежитью могла стоить души. Почему подобное всегда происходит ночью, в этой давящей, почти физической темноте? Успокаивало лишь, что сегодня было полнолуние, да и шли мы недолго. Пройдя несколько кварталов, мы оказались у маленького, бедного домика. Краска облупилась, ставни висели криво, крыша проседала. Именно таким, по рассказам стариков, и должно было быть логово ведьмы — жутковатое, неприветливое. Я, конечно, давно не ребёнок, но от этого места всё равно стало не по себе.

Дверь открылась, и на пороге нас встретила миловидная девушка с длинной русой косой, одетая в скромное чистое платье. Она и оказалась той самой «ведьмой». Сначала я внутренне усмехнулся своей глупости — поверил сказкам! — но потом вспомнил, что беглые маги хитры и могут принять любой облик, так что решил не терять бдительности. Хозяйка пригласила нас внутрь. В доме не было ни черепов, ни магических шаров, ни сушёных лягушек — лишь чистый стол и белая скатерть. Пока я пересказывал ей свою историю, чёрный кот запрыгнул ей на колени, свернулся клубком и замурлыкал. Наконец-то! Хоть одно доказательство, что она колдунья. Хотя у Маркуса дома тоже был чёрный кот, так что, возможно, я и ошибаюсь.

Выслушав нас, девушка задумалась, а потом спросила:

— Книга при вас?

— Да, — ответил Маркус, кладя её на стол.

— Очень хорошо, — протянула она, с интересом разглядывая красную, украшенную золотом обложку. — Господин Маркус, прошу вас выйти и оставить нас с господином Эйнджелом наедине. Подождите снаружи.

Мне это не понравилось, но капитан без лишних слов повиновался. Мы остались одни. Ведьма ещё немного смотрела на книгу, а затем медленно перевела взгляд на меня:

— Дай мне руку. И постарайся расслабиться.

Я, с опаской, протянул ей ладонь. Она накрыла её своей и начала шептать заклинания. Воздух сгустился, наполнившись внезапным всплеском магической силы. Она закрыла глаза, продолжая бормотать, словно ведя тихую беседу с кем-то невидимым. У меня в ушах начался гул — сначала тихий, но нарастающий, заглушающий её шёпот. Становилось невыносимо. Я дёрнул руку, пытаюсь прервать сеанс.

Колдунья вздрогнула, словно очнувшись от тяжёлого сна. Гул прекратился, но неприятное ощущение осталось.

— Ну? — нетерпеливо начал я. — Что выяснили? Это проклятие? Сможете снять?

Она помолчала, приходя в себя, и затем медленно ответила:

— Не могу сказать, что это. Но точно не проклятие и не одержимость. С таким я не сталкивалась. За тобой следует некая магическая сущность, но природа её мне не ясна. Всё, что удалось понять — она не желает тебе зла. Скорее, стремится помочь.

Объяснение было туманным. Я требовал конкретики, но ведьма, похоже, и сама была в недоумении.

— Эта сущность преследует тебя, — сказала она. — Тебе следует встретиться с ней лицом к лицу. Это твоя судьба. Ты прервал меня, но из того, что я успела узнать, тебе нужно отправиться в Храм Чистых Вод. Он к западу от Трэдо. Иди туда как можно скорее. Один. И возьми книгу — она важна.

Я спросил, может ли она прочесть её, но она покачала головой: сущность запретила ей касаться книги. Разобраться предстояло мне самому. Больше ничего внятного добиться не удалось.

Мы вышли. Маркус заплатил и дал слово хранить молчание. По дороге домой я передал ему слова ведьмы. Капитан пребывал в таком же замешательстве, что и я. Единственное, что ему показалось разумным, — последовать совету. Храм был местом силы, а значит, там наверняка могли помочь.

Я не знал ни одного города, возле которого не было бы какой-нибудь святыни. У каждой — своё предназначение: хранить реликвии, проводить ритуалы, служить местом паломничества. Храм Чистых Вод был общедоступным и безопасным — дорога к нему хорошо натоптана паломниками. Маркус согласился отпустить меня одного — в конце концов, я мог за себя постоять, а угрожать могли разве что дикие звери. Интуиция, однако, шептала, что всё может быть не так просто. Но делиться дурными предчувствиями я не стал — не хотел, чтобы он счёл меня трусом. На следующее утро я был готов. Жена Маркуса, успевшая ко мне привязаться, собрала мне в дорогу еды. Маркус попытался отчитать её за излишнюю опеку, но та и ухом не повела. Она обняла меня на прощание, взяв слово быть осторожным; капитан пожал руку и пожелал лёгкой дороги. И я вышел за городские ворота.

Погода стояла отменная. Ночной дождь намыл воздух до хрустальной свежести. Солнце уже взошло, и капли росы на траве поблёскивали, переливаясь в его лучах. Путь предстоял недолгий, и я решил не спешить, представив, что иду на прогулку. По правую сторону раскинулся зелёный, дышащий жизнью лес, из которого то и дело выпархивали птицы или выбегали зайцы. Завидев меня, они мгновенно скрывались в чаще, но само это движение говорило: лес живой. Своеобразный зелёный город со своими обитателями — большими и малыми, опасными и безобидными. Только стены у него были не каменные, а из листвы и стволов, защищавших своих жителей и без башен. Через час дорога свернула влево. Теперь справа расстилалось пшеничное поле, а слева бежала неширокая речка. Мне стали встречаться торговые повозки, крестьяне, патрульные. К счастью, паломников не было. Я всё ещё не понимал до конца, зачем иду в святилище, но было ясно: там могло произойти что угодно, и лишние свидетели были ни к чему.

Ещё через пару часов я наконец добрался до Храма Чистых Вод. Это была сеть из трёх водопадов, окруживших небольшое озеро. Вид и впрямь завораживал — тенистая прохладная роща, ведущая к зеркальной глади воды. Я ещё ни разу не видел священного места в уродливом уголке. Они всегда были прекрасны, заставляя верить в их волшебную природу. Храм Чистых Вод исключением не был. Я понял это, подойдя к озеру: вода была прозрачна, как воздух, и дно просматривалось в мельчайших деталях.

У берега стояли каменные скамьи и алтарь, испещрённый рунами. Подобные я видел и раньше. Паломники оставляли на нём пожертвование, касались символов наверху и загадывали желание. Может, и мне стоит попробовать? Я не знал, какое подношение здесь уместно, но оно должно быть ценным. Самое ценное, что у меня было — мой меч. Не королевский, не священный, но дорогой сердцу. Расставаться с ним из-за непонятого проклятия не хотелось, но и жить с этой загадкой дальше было неважноту. Будь что будет!

Я вынул клинок, аккуратно положил его на холодный камень алтаря, коснулся рун, закрыл глаза и произнёс:

— Оставляю здесь свою наибольшую ценность. Взамен прошу Создателя исполнить моё желание. Хочу во всём разобраться и положить конец этой истории!

Несколько мгновений я стоял неподвижно, ожидая чуда. Но ничего не произошло. Я открыл глаза: меч по-прежнему лежал на алтаре.

— Видимо, этот кусок металла не считается весомой ценностью, — горько пробормотал я себе под нос.

— Нет, — раздался голос сзади. — Меч довольно хорош. Просто Создатель не в силах исполнить твоё желание.

Я замер. Этот голос... Он был до боли знаком! Медленно, словно боясь спугнуть мираж, я обернулся и понял, где слышал его раньше.

Передо мной стоял человек с длинными чёрными волосами, собранными в хвост, в церемониальной броне и с алым плащом, перекинутым через плечо.

Глава 4

Опять он! Как чёрная метка, как злой рок, от которого не спрятаться. Всё, чего я касался с момента нашей встречи, превращалось в хаос. Гнев и страх сплелись внутри в тугой горячий клубок.

— Чего тебе от меня нужно?! — вырвалось у меня, и я отпрыгнул на пару шагов, будто от ядовитой змеи. Нервы, уже измотанные до предела, звенели тонкой струной. — Как ты нашёл меня в священном месте, да ещё средь бела дня? Впервые вижу беглого мага, который разгуливает по святыне, словно по бульвару!

Незнакомец лишь усмехнулся — холодной, беззвучной усмешкой, от которой по спине пробежали мурашки. Он сделал шаг ближе, слегка наклонился, и его дыхание, холодное, как зимний ветер, коснулось моего лица.

— Будь я беглым магом, мне бы не позволили проникнуть в город, не говоря уж о встрече с тобой.

— Но тогда...

— Для начала, — отрезал он, отступая на прежнюю дистанцию с королевской неспешностью, — позволь представиться. Меня зовут Фелмор. Вернее, когда-то звали. Можешь обращаться так и теперь. Я не человек, не призрак и не демон. Я — Хранитель.

— Хранитель? — я недоверчиво выдохнул. — Что это вообще значит?

— Это значит, что я оберегаю одну из реликвий в этой части света, — его голос прозвучал торжественно и отчуждённо. — А ещё это значит, что я избрал тебя претендентом на роль следующего Создателя.

В его словах не было ни капли безумия, лишь ледяная, неопровержимая уверенность. От этого становилось ещё страшнее.

— Я... ничего не понимаю...

— Тебе следует уяснить кое-что, — он сделал плавный жест рукой, приглашая присесть на ближайшую скамью. — Мир меняется. Всё вокруг преобразается, и нам с тобой суждено стать причиной величайших из этих перемен.

— О каких переменах ты говоришь? — меня начало раздражать это напыщенное блуждание вокруг да около.

— О тех, что случаются циклично, раз за разом, перерождая саму суть бытия, — ответил он, и на его губах заиграла загадочная, малоприветная улыбка.

— Говори понятнее! Я не мастер разгадывать ребусы. Ближе к сути!

Фелмор тихо рассмеялся — сухим, безжизненным смехом, в котором не было ни капли веселья. Сквозь эту странную улыбку он начал свой рассказ:

— Малыш, этот мир близок к своему завершению. Не к гибели — к перерождению. Ты же знаешь, кто такой Создатель? — я молча кивнул, не в силах выдать ни слова. — Полагаю, ты, как и все в этом мире, думаешь, что это некое божество, сотворившее всё сущее? На самом деле правда куда интереснее. Никто не знает, когда и кем был создан этот мир. Но управлять им, землями, морями, небесами и судьбами людей всё равно кто-то должен. Вот этим и занимается Создатель. Им становится человек, рождённый в этом мире. Но он не правит вечно. В конце каждой эпохи нынешнего правителя должен сменить другой. А как выбрать нового бога? Для этого и было придумано состязание, в конце которого ждёт главный приз — шанс стать самим Создателем. Я здесь, чтобы сообщить: ты — один из участников этой гонки. И она вот-вот начнётся.

— Что ты имеешь в виду?! — не выдержал я. — Не припоминаю, чтобы я соглашался на что-либо подобное!

— Твоё согласие мы обсудим позднее, — отмахнулся он. — Для начала позволь рассказать о твоей роли. Ты — один из шести человек, избранных Хранителями шести сторон света. Я — Хранитель западной звезды. У каждой стороны — свой Хранитель и свой избранник. Наша задача — выбрать человека, который однажды, возможно, станет новым богом. Выбор всегда остаётся за Хранителем, но ключевую роль играет возраст претендента: это должен быть младенец, которому ещё не исполнился год. Иначе есть риск, что печать не ляжет. Эта самая печать, которую я когда-то оставил на тебе, — метка. По ней каждый Хранитель может найти своего избранного, когда придёт час. Спешу сообщить — этот час настал. Я и разыскал тебя в твоём городе, но поговорить нам помешала некстати появившаяся армия духов. Теперь тебе всё ясно?

Я слушал, затаив дыхание, не в силах прервать этот бредовый поток. Его слова звучали слишком дико, слишком невероятно, чтобы быть правдой. В голове не складывался ни один вопрос — лишь хаос из обрывков фраз: «Хранители», «избранные», «Создатель-человек» ...

— Это звучит невероятно, — наконец выдавил я, тщательно подбирая слова. — Но допустим, ты говоришь правду. Тогда что тебе нужно от меня сейчас?

— Твоя первостепенная задача — найти реликвию, что покоится здесь, в Миддейне.

— Реликвию? — перебил я. — Ты про те волшебные вещи, что хранят в храмах?

— Нет. В нашем контексте реликвии — это мощнейшие магические артефакты, вмещающие в себя силу, что я бы назвал божественной, — кратко пояснил Фелмор. — Активировать их могут лишь избранный и его Хранитель, связанные особым образом. В каждой из шести сторон света — своя реликвия. Но заполучить их все суждено лишь одному. Поэтому всем шести претендентам, создав связь, должно быть ясно: им предстоит либо устранить других избранных, либо пасть самому. И не обязательно делать это вручную — достаточно просто первым добраться до реликвии. Тот, кто соберёт все артефакты и, как следствие, аккумулирует их силу... Станет новым богом этого мира.

Он замолчал, внимательно наблюдая за моей реакцией. Его взгляд, тяжёлый и пронзительный, будто сверлил меня насквозь. В голове всё смешалось. По его мнению, я должен был сорваться в неизвестность, ринуться в смертельную гонку с незнакомцами только потому, что некий странный тип назвал меня «избранным»? А его слова о неизбежном противостоянии, где ставка — жизнь... И кульминация — стать Создателем? Бред! Ни в одном священном писании не упоминалось, что судьба мира зависит от шестерых человек.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы хоть как-то переварить сказанное. Шесть Хранителей. Шесть кандидатов. Шесть реликвий. Шесть сторон...

— Почему ты говоришь, что сторон света шесть? — наконец спросил я. — Их всего четыре.

— Нет, шесть, — твёрдо парировал Фелмор. — Запад, восток, север, юг. А также небо и земля.

Мне показалось это натянутой трактовкой. Если следовать такой логике, сторон могло быть и больше. Небо — сторона света? Стороны нужны для ориентирования. Глядя на восток, понимаешь, где восходит солнце. А что даст взгляд вверх или вниз?

Я поделился сомнениями. Хранитель, не задумываясь, ответил:

— Сверху — Рай, на который люди ориентируются в жизненном пути. Снизу — Ад, которого они стремятся избежать. Это тоже направления, Эйнджел. Не в пространстве, но в духе.

— То есть, помимо бега по земле, мне придётся каким-то чудом попасть на небеса и в преисподнюю? — с горькой иронией в голосе спросил я.

— Не совсем так, — задумчиво ответил Фелмор. — Но в целом... да. Нам предстоит посетить миры небесный и подземный.

После этих слов последние остатки веры в реальность происходящего рухнули. Наверное, это кошмар. Я встал, дошёл до озера и принялся умыться ледяной водой. Резкий холод обжёг кожу, прояснив сознание. Это было реально. Закончив, я оглянулся: Хранитель сидел на своём месте, с нескрываемым интересом наблюдая за моими потугами прийти в себя. Может, я схожу с ума? Мать рассказывала о безумцах, что слышали голоса и творили ужасные веса по их велению.

Чтобы убедиться, я снова подошёл к нему и хлопнул ладонью по наплечнику его брони. Раздался глухой, вполне материальный стук по металлу. Фелмор изумлённо поднял бровь, словно спрашивая о смысле этого жеста. Я молча развернулся, отступил к алтарю и прислонился к нему спиной. Дикое, сдавливающее грудь осознание: всё это — не сон.

Хранителю, видимо, надоело это представление.

— Не очень понимаю, чего ты добиваешься, — сказал он сухо. — Но твои действия смущают. Давай забудем эту сцену и перейдём к той части, где ты соглашаешься создать со мной магическую связь.

Я чувствовал себя выжженным и опустошённым, но слова его прозвучали на удивление ясно, будто эхом отозвавшись прямо в черепе. Это неприятное ощущение заставило меня вздрогнуть.

— Я ещё ничего не соглашался! И не собираюсь! Я отказываюсь. Ищи себе другого дурачка для своих игр!

Прозвучало грубо, но какое мне было дело до чувств этого существа? Вскочив на ноги, я уже направился к выходу из рощи, но Фелмор молнией встал на моём пути. Его голос потерял налёт снисходительности, став стальным и не терпящим возражений.

— Подумай хорошенько. Если другой кандидат заберёт твою реликвию, ты умрёшь. Хочешь ты того или нет, но ты связан с ней с того самого мига, как я оставил на тебе свою печать.

— Так перенеси её на кого-нибудь другого! А меня оставь в покое! — в отчаянии выкрикнул я.

— Пока ты жив — это невозможно. Печать нельзя снять. Найти другого претендента я смогу лишь в случае твоей смерти.

Эти слова вогнали меня в ступор. Почему он не сказал этого сразу? Горький ком подкатил к горлу. От этой безысходности стало физически дурно.

— Можно мне подумать? — слабо спросил я. — Решение не из лёгких. Мне нужно время взвесить всё.

— Можно. Но я должен услышать твой ответ сейчас. Ты не уйдёшь отсюда, пока не решишь.

«Сделать выбор». Какой тут выбор? Либо умереть, либо попытаться выжить, заплатив за это жизнями как минимум пятерых незнакомцев. Пожертвовать собой ради них? Но я их не знаю! Я не герой, не мученик. Я просто не готов принять, что смерть может настигнуть меня в любой миг. От этих мыслей голова раскалывалась. Я снова отошёл к озеру, сделал глоток воды. Освящённая влага придала слабую, призрачную уверенность.

С одной стороны — отказ и ожидание внезапного конца. С другой — долгий, смертельно опасный путь, о котором, возможно, буду жалеть. Но одного я знал точно: умирать сейчас, когда моя жизнь только-только началась, не увидев и малой доли мира... Нет.

— Ладно, — тихо сказал я после долгой, мучительной паузы. — Одно я знаю точно — умирать мне пока рано.

— Итак, твоё решение? — переспросил Хранитель, и в его глазах мелькнула искра — то ли удовлетворения, то ли простого любопытства.

— Скорее всего, я об этом пожалею... Но да. — Я выпрямился, стараясь вложить в голос твёрдость, которой не чувствовал. — Я согласен создать связь. Кстати, что именно ты подразумеваешь под «связью»?

Фелмор улыбнулся, но на мой вопрос не ответил. Его явно порадовало моё согласие, тогда как я пребывал в полной прострации. «Будь что будет», — слабо подумал я. Хранитель подошёл к алтарю и взял мой меч, о котором я позабыл. Осмотрев клинок, он кивнул:

— Всё-таки неплохое оружие ты выковал. Уверен, оно ещё не раз спасёт твою шкуру. Возьми. Убери в ножны, чтобы потом не забыть.

Я покорно подошёл, взял меч. Лезвие блеснуло в солнечном свете холодной сталью. Я вложил его в ножны — привычное, успокаивающее движение.

— Хорошо. Теперь приготовься, — сказал Фелмор, приближаясь почти вплотную. — Чтобы создать связь, мне придётся трансформировать печать. Это... не самый приятный процесс. Не знаю, сколько займёт времени, но помни: это почти безопасно.

Его слова не вселяли уверенности, но отступать было поздно. Он что-то прошептал — древнее, ползучее заклинание. И у меня начало темнеть в глазах. Возникло то самое, знакомое чувство из той ночи в переулке. Что бы это значило?

Дальше я уже не мог думать. Тьма, густая и вязкая, поглотила сознание. Я чувствовал, как всё моё тело наполняется чужой, мощной силой. Она вливалась волнами, каждая — ярче и болезненней предыдущей. Временами всплывали видения — чужие воспоминания, пронзительные и живые. Видения сменяли друг друга, приятные и кошмарные, по мере того как магическая энергия входила в меня, становясь частью самой плоти. Они становились всё ярче, насыщенней, а потом — резкий, болезненный обрыв. Забвение начало таять, непроглядная тьма отступала, уступая место смутным бликам. Я потихоньку приходил в себя, осторожно открыл веки.

Был уже полдень. Солнце в зените ударило в глаза ослепительным молотом. Я поморщился, с трудом приподнялся на локтях. Фелмор сидел рядом, на земле у алтаря, и наблюдал за мной с выражением ожидания на лице. Увидев, что я очнулся, он спросил:

— Как самочувствие?

Собраться с мыслями после этого калейдоскопа было нелегко.

— Странно... Мне казалось, прошло немного больше времени.

— Больше времени? — Хранитель усмехнулся. — Ты бы лучше радовался, что на создание связи ушло чуть больше суток. А мог бы тут и неделю проваляться.

— Сутки? — я резко сел, и мир на мгновение поплыл. — Я думал, прошло всего несколько часов!

— Создание связи — не детская забава, — отозвался Фелмор, поднимаясь. — Теперь наши судьбы, да, пожалуй, и души, тесно переплетены. На расстоянии я смогу чувствовать, где ты. Развив связь, сможем общаться мысленно. Но главное — только так мы впоследствии сможем воспользоваться найденной реликвией.

— Последний вопрос, — не удержался я. — Когда ты начинал обряд... у меня были те же ощущения, что и при первой встрече. Ничего не хочешь объяснить?

— Ну... — Хранитель неуверенно потянул, и в его глазах мелькнула тень. — Давай обсудим это в пути. Нас ждёт дорога.

С этими словами он развернулся и направился к выходу из рощи. Я вздохнул, почувствовав тяжесть нового бремени на плечах, и поплёлся следом.

Приключения — тогда, в тот миг, — только начинались.

Глава 5

Мне всё ещё не верилось, что я решился на эту безумную авантюру. Первые несколько часов я просто плелся за Фелмором, уткнувшись взглядом в его спину и погрузившись в собственные, невеселые думы. Господин Маркус, наверное, уже забеспокоился, заметив мое долгое отсутствие. С другой стороны, он мог бы давно послать кого-нибудь на поиски. Раз не послал — значит, пока всё в порядке. А может, просто занят? Или думает, что я всё ещё пытаюсь избавиться от проклятия в святилище? Рано или поздно он хватится, напишет отцу: «Прости, друг, Эйнджел ушел в святое место и не вернулся». Ну и что? Возвращаться домой я всё равно не собирался, да и смысла теперь в этом не было. Конечно, исчезнуть вот так, не попрощавшись, — нехорошо. Но думаю, отец поймет, почему я ушел. Если, конечно, захочет понять.

Тяжёлый, безрадостный вздох вырвался у меня, когда я вспомнил о матушке. Узнав, что сын пропал, она сокрушалась бы. Наверное, единственное, ради чего я бы вернулся, — сказать ей, что со мной всё в порядке. Она-то уж точно ни в чём не виновата. Уверен, узнай она, что некий Хранитель потребовал её дитя в обмен на её жизнь, она бы без раздумий отказалась, предпочтя смерть разлуке. Но теперь ничего не изменить. Приди я домой и расскажи всё как есть — сделаю только хуже. Да и печалиться ей будет некогда — нужно выдавать замуж сестру. Да, моей сестрёнке недавно исполнилось пятнадцать, самый что ни на есть брачный возраст. Не уверен, что мама мгновенно найдет ей жениха, но лет через пять у неё уже будут собственные дети, а к тому времени все забудут о моём исчезновении.

Я буду скучать по маме больше, чем по кому-либо. Пускай она частенько ворчала на меня за шалости и задиристость, я всегда знал — в её сердце живёт лишь любовь и тревога. Мне будет не хватать её нравучений, её вечных расспросов о том, когда же я найду себе достойную невесту и обзаведусь семьёй. Жаль, что ни невесты, ни семьи она, скорее всего, уже не увидит. Я даже не знал, сколько мне ещё отпущено, что ждёт завтра. Со спутницей жизни дела обстояли ещё призрачнее. Странно, но я только сейчас задумался: а ведь я ни разу даже не влюблялся. Девушек в столице было много, но все они казались мне слишком нарядными, жеманными и... фальшивыми. Большинство, конечно, видело во мне лишь выгодную партию — сына капитана стражи. А как же чувства? Мне хотелось, чтобы меня полюбили за то, кто я есть, а не за предполагаемое наследство.

Мои родители полюбили друг друга после того, как мама исцелила отцу тяжёлую боевую рану. Он был благодарен, она — очарована молодым, отважным воином. Пока отец пребывал в храме, они договорились: она будет ждать его в столице, а если он вернётся с войны героем, станет его женой. Отец сдержал слово, вернувшись с медалями и неплохой суммой в кошельке. Сам король вручал ему награду. Мама тоже сдержала обещание. И вот они живут, душа в душу, уже много лет, пронеся свою любовь через все тяготы. Да, я бы хотел такой же любви. Но найти своего человека — задача не из лёгких. Что ж, надеюсь, и мне когда-нибудь повезёт.

Мои размышления прервало громкое, предательское урчание в животе. Я понял, что со вчерашнего дня во рту не было ни крошки, и в тот же миг голод набросился на меня, острый и неумолимый.

— Стой, — хрипло сказал я спине Хранителя. — Давай передохнём.

— Передохнём? — обернулся Фелмор. — Не прошло и часа, а ты уже хочешь привала?

— Я голоден. Со вчерашнего дня ничего не ел. Ты это прекрасно знаешь. Остановимся.

— Я сказал это сердито, почти рыкнул. Голод всегда портил мне настроение.

Фелмор, явно недовольный, но всё же согласился. Мы присели в тени раскидистого дуба у самой реки, вдоль которой шли. Я снял наплечный мешок с провизией. Слава всем богам

за щедрость жены Маркуса! Достал хлеб и принялся жадно есть. После второго куса острота голода наконец начала отступать, сменяясь приятной теплотой сытости.

Фелмор наблюдал за этим процессом с таким видом, будто впервые видел, как едят. Его молчаливый, изучающий взгляд заставил меня почувствовать неловкость. Нужно было прервать это тягостное молчание.

— Ты так и не ответил на мой вопрос. Почему, когда мы встретились в столице, я почувствовал то же самое, что и во время ритуала?

— Потому что тогда я тоже пытался создать связь, — спокойно, будто речь шла о погоде, ответил он. — Но не успел.

Я чуть не подавился. От неожиданности и от того, с какой безмятежностью он это произнёс.

— То есть ты хочешь сказать, — медленно, впитывая смысл, проговорил я, — что ты и не собирался спрашивать моего согласия?

— Да. Но потом, проследив за тобой и увидев, как тебя ранил поступок отца, я решил дать тебе шанс. Пусть и довольно односторонний.

— Ты... следил за мной? С каких пор?

— Я не отходил от тебя ни на шаг с момента той встречи, — улыбнулся Хранитель, и в его улыбке не было ни капли раскаяния.

Одно откровение сменялось другим, каждое невероятней предыдущего. Великолепное начало сотрудничества, нечего сказать. Я, конечно, требовал объяснений, но, похоже, он и сам собирался всё рассказать. Оказалось, в ту ночь он действительно начал ритуал, но помешали призраки. Создание связи порождает мощный всплеск магической энергии, который привлекает нежить как мёд — мух. Продолжи он тогда, вся орда духов ринулась бы на нас. Единственное, что успел сделать Фелмор, — «пустить трещину» в печать и передать мне крошечную долю силы. Но и её хватило, чтобы вырубить меня на два дня.

После той ночи он неотступно следовал за мной, охраняя от опасностей, но делал это так искусно, что я ничего не замечал. Тогда же у него созрел план, как направить меня в подходящее для завершения ритуала место. Деталими он не поделился, лишь намекнул, что ту самую ведьму нашёл именно он. Ему требовалось место с сильным энергетическим полем. Столица, с её сгустком людских жизней, подходила идеально — там можно было бы закончить всё на любой улице. Но я слишком быстро её покинул. К его счастью, я прибыл в Трэдо, неподалёку от которого было святилище — почти совершенное место для ритуала. Вот только Маркус, прочтя письмо отца и испугавшись одержимости, задержал меня. Фелмор был рядом и тогда. Увидев мою реакцию на историю с отцом, он в последний момент и решил дать мне тот самый «выбор».

— Клянусь, откажись ты — и я бы ушёл, чтобы никогда больше не тревожить твой покой, — закончил свой рассказ Хранитель.

Честно говоря, я не знал, как на это реагировать. С одной стороны, да — этот тип поступил подло, пытаясь силой втянуть меня в свою игру, да ещё и шпионил. С другой — он вроде как попытался исправиться и даже поклялся. Но верить ли его клятвам? Нет, он мне определённо не нравился. И это глухое чувство неприязни тянулось с самой первой встречи.

— И что же, — нарушил я затянувшуюся паузу, — все хранители вот так, не спрашивая, ломают людям жизни? И мне, выходит, «повезло» хоть что-то решить самому?

Фелмор проигнорировал вопрос. Он откинулся назад, прислонившись к дереву, и тяжело вздохнул. Потом посмотрел на меня серьёзно, почти устало.

— Зачем ты донимаешь меня этими глупостями? Если тебе так интересно — посмотри ответ в книге.

Я на миг растерялся, не поняв, о чём он. Потом до меня дошло: та самая книга! Она лежала в мешке, а я о ней позабыл. Но погоди, он же ничего о ней не рассказывал!

— В этой книге есть ответы?

— Эта книга, — так же серьёзно продолжил Фелмор, — подарок тебе от предыдущего Создателя. Он оставляет по одной каждому Хранителю, чтобы избавить нас от головной боли в виде вопросов новоявленных избранных. Точного названия не знаю, но всегда называл её «Справочником». В ней — всё, что может пригодиться в нашем путешествии и даже больше.

Я отлично помнил, что раньше не мог разобрать в ней ни слова. Но вдруг её секреты открываются только после создания связи? Осторожно открыв кожаную обложку с позолоченными узорами, я надеялся, что догадка верна. Увы — текст по-прежнему был неразборчивым месивом.

— Но она заколдована! Как мне её прочесть?

— Удивлю тебя, — ответил он с лёгкой иронией. — Её надо расколдовать.

Значит, пока не найдётся кто-то, способный развеять чары, книга бесполезна. Или...

— А ты можешь снять заклятье? — спросил я.

— Могу, — кивнул Хранитель, и в его глазах мелькнул интерес.

— Тогда сделай это, пожалуйста.

— Нет. — Его губы снова растянулись в улыбке. — Ты должен сделать это сам.

— Сам?! — я оторопело уставился на него. — Но у меня нет магических способностей!

— Ошибаешься, — спокойно парировал он. — Твоя мать от рождения была одарена магическим даром. Тебе он, насколько я знаю, не передался, верно? Однако ты предрасположен к магии от рождения. Вот почему ритуал прошёл так быстро — ты почти мгновенно адаптировался к силе, которую я тебе передал. Пришло время впервые ею воспользоваться.

Его слова снова застали меня врасплох. С детства мне твердили обратное: магия — редкий дар, данный от рождения. Многие учёные считали её опасной, поэтому храмы отлавливали и учили магов с детства, чтобы они не навредили, не научившись контролировать силу. Магов рождалось мало, и многие из них, не желая проходить суровое обучение, сбегали. Таких называли «беглыми». Они уединялись в лесах или примыкали к бандитам. Я слышал, живут они недолго — неумение контролировать силу в конце концов уничтожает их самих.

И теперь Фелмор утверждает, что не только передал мне этот дар, но и заставляет использовать его здесь и сейчас?

— Даже если это правда, я не смогу, — пробормотал я. — Я не знаю ни одного заклинания!

— Сейчас они и не нужны, Эйнджел, — сказал он, поднимаясь с земли. — Тебе нужно лишь направить свою силу в книгу. Этого будет достаточно.

Он сел напротив, сложил руки на груди и уставился на меня, словно высеченный из камня идол. Спорить, как мне показалось, было бесполезно. Но разве можно научиться такому за миг?

— Мы можем просидеть тут несколько дней, а то и месяцев, пока у меня получится, — сказал я, надеясь отложить урок.

— Тогда тебе не стоит терять время на разговоры. Давай, приступай.

Он продолжал смотреть. Этот взгляд напомнил мне отца, когда тот заставлял меня читать вслух, и я, запинаясь, водил пальцем по строчкам. Да, сейчас мне тоже предстояло прочесть книгу. Но сначала — расколдовать. А как? Я не чувствовал в себе никакой особой силы. Во время ритуала сквозь меня проходила некая энергия, но сейчас я не мог её уловить. Разве можно управлять тем, чего не чувствуешь?

Я взял книгу обеими руками и закрыл глаза. Может, надо её представить? Пусть и так, но воображаемым управлять куда легче, чем неосознанным. Я представил, что магия — это волна, расходящаяся из глубины грудной клетки. Как ни странно, через несколько минут я действительно начал чувствовать лёгкую пульсацию, едва уловимое движение под кожей! Оно было странным, чужим, но — реальным. Эта энергия казалась нежной и стойкой одновременно,

холодной, но с обжигающим, как пламя, ядром. Она могла принять любую форму — стоило лишь приказать. Но сейчас моя задача была проще: направить её.

Я сосредоточился. Всей силой воли начал гнать эту едва уловимую волну сначала в руки, потом в кончики пальцев, к самой коже, соприкасающейся с переплётом. Сначала энергия не слушалась, была вязкой и ленивой. Но постепенно, с упорством кузнеца, бьющего по раскалённому металлу, я подчинил её своей воле. Она потекла в книгу — и там столкнулась с другой силой. Колдовством, что скрывало тайны под кожей и золотом. Я подал чуть больше энергии, направил её остриём. И почувствовал, как чары тают, отступая под натиском. В конце концов от них не осталось и следа.

Заклятье было снято.

Я открыл глаза и увидел, что вокруг моих рук мерцало слабое сияние, исчезнувшее в тот же миг, как я прекратил концентрацию. Фелмор, сидевший напротив, улыбнулся — на этот раз почти одобрительно.

— Справился чуть больше чем за час. А говорил — дни или месяцы. Конечно, силу можно расходовать экономнее, но для первого раза — более чем достойно. Талант у тебя есть, парень.

Я сам не верил, что только что впервые сознательно использовал магию. Оставалось проверить результат. Открыв книгу, я обнаружил не только внятный, чёткий текст, но и рисунки: чертежи, карты, изящные руны, зарисовки растений и существ. Это и вправду было чудо.

Я уже хотел погрузиться в чтение, но Фелмор ловко выхватил книгу у меня из рук, захлопнул её и поднялся.

— Почитаешь потом. Нам идти.

— А куда? — спросил я, вставая. — Ты не называл конкретного места.

— Мы идём в Сайденс — крупнейший город Миддейна. Там покоится нужная нам реликвия.

Он развернулся и зашагал прочь, не оборачиваясь. Я вздохнул, бросил последний взгляд на уютную поляну у реки и поплёлся следом, навстречу новым, ещё неизвестным опасностям.

Глава 6

Путь до Сайденса не сулил быть ни коротким, ни лёгким. По моим скромным расчётам, мы могли добраться туда в лучшем случае недели через две, если не три. Почему реликвия должна была находиться именно там, было вполне очевидно: Сайденс располагался у западной границы Великого Миддейна. Город был крупным, знатным — некогда он даже носил столичный титул, пока много лет назад центр власти не перенесли в Флаемор. При других обстоятельствах я бы, возможно, даже обрадовался такой поездке — увидеть легендарный город! Но всё портило одно «но».

Мой спутник.

Тип этот продолжал вызывать у меня глухое, необъяснимое раздражение, особенно после его откровений о первоначальных планах. Да и в целом в нём было что-то отталкивающее — холодное, надменное, не от мира сего. Я с первого же дня пути начал жалеть о своём решении, и виной тому был во многом он. Общих тем для разговора у нас не находилось. Хотя он, судя по всему, любил поговорить, но любая наша беседа заходила в тупик, упираясь в его снисходительные полуулыбки и моё молчаливое раздражение.

Вторым камнем преткновения был его внешний вид. Он и в дороге не снимал свою церемониальную броню! Ходить в таком виде было не то что неудобно — неприлично. Такие доспехи созданы для парадов, турниров и королевских приёмов, а не для пыльных трактов. Они наверняка жутко тяжёлые, неудобные и защищают разве что от косого взгляда. Зачем он их носит? По пути нам встречались редкие путники, и все они с нескрываемым любопытством и опаской разглядывали моего экстравагантного спутника. Это выводило меня из себя. Нам следовало быть как можно менее заметными, ведь мы и так шли навстречу опасности. Но Фелмора это, похоже, забавляло. Напротив — ему, казалось, нравилось быть центром всеобщего внимания. Черта, совершенно неподобающая для человека, пытающегося избежать лишних неприятностей.

Я не выдержал и попросил его сменить броню на что-то менее вызывающее. Он выслушал, подумал и заявил, что не станет этого делать. Во-первых, потому что это самая настоящая боевая броня, а не парадная бутафория. Во-вторых, носить «какое-то облезлое тряпье» ему не хочется. Меня такой ответ не удовлетворил, и я продолжил настаивать. И тогда он предположил, что я... завидую. Это предположение, произнесённое с лёгкой, язвительной усмешкой, стало последней каплей.

Я высказал ему всё, что думал. Что он — самовлюблённый, легкомысленный, неприятный тип, с которым ни один здравомыслящий человек не станет водиться. В ответ он холодно заметил, что я — трусливый, завистливый ребёнок, не желающий брать на себя ответственность даже за собственную жизнь. Перепалка переросла в настоящую ссору. В итоге мы два дня шли в гробовом молчании. Воздух между нами сгустился, стал вязким и тяжёлым, словно перед грозой. Но на третий день случилось то, чего я, в общем-то, ожидал: у нас закончилась еда.

Точнее, у меня. Фелмору, как выяснилось, пища была не нужна в принципе, как и сон. Это давало ему повод ворчать на мои «человеческие слабости». По его мнению, не трать я драгоценные часы на сон и еду, мы бы уже были на полпути к цели. Ему, вечному, было не понять, что такое усталость, голод и потребность в отдыхе. Согласно книге, все Хранители некогда были людьми, избранными предыдущим Создателем. Интересно, знал ли Фелмор того избранника, который смог дойти до конца, лично? В любом случае, это было так давно, что сами Хранители, наверное, забыли, каково это — быть смертным.

Фелмор и слушать не хотел о необходимости сделать привал для поисков пропитания. Согласился он лишь после того, как я прямо заявил, что если упаду в голодный обморок,

тащить меня до Сайденса придётся ему на собственном горбу. И то не факт, что я доживу. Нехотя он сообщил, что к вечеру мы будем проходить мимо небольшого городка и сможем остановиться там. Но с условием: не больше одной ночи. Спорить я не стал — и сам не видел смысла задерживаться. Ответил лишь очередной колкостью, и мы снова погрузились в молчание.

Ещё один день, проведённый в тягостном безмолвии, — и вдали, наконец, показались зубцы городской стены. Городок и впрямь был крошечным, и я удивился, зачем вокруг такого захолустья возводить такие серьёзные укрепления. На входе нас, как водится, встретили стражники, которых наша странная пара явно заинтриговала.

— Кто такие? Цель визита? — спросили они напрямую, без лишних церемоний.

Я уже готов был что-нибудь соврать, но Фелмор меня опередил. Он представился странствующим рыцарем, совершающим паломничество по святым местам в компании своего оруженосца. Дескать, в городе мы лишь переночуем, чтобы пополнить припасы. Как ни странно, стражников этот ответ удовлетворил, и нас пропустили. Узнав, где находится таверна, мы зашагали по пустынным вечерним улочкам.

Меня, однако, задело его слова — «рыцарь и оруженосец». Конечно, это была ложь. Но если вдуматься... На данный момент я действительно являюсь ведомым. С одной стороны, главная роль в этой истории, казалось бы, моя — ведь это мне предстоит стать Создателем, если повезёт. С другой — пока что именно Фелмор определяет направление, да и без него я бы никуда не двинулся. Кто же тут главный? Надо будет поискать ответ в книге.

Пока я размышлял, мы уже подошли к цели. «Весёлый призрак» — красовалось на вывеске. Странное название. Призраки не бывают весёлыми. С тем же успехом можно было назвать таверну «Добрый демон». Фантазия у хозяина была своеобразная. Я толкнул дверь и вошёл внутрь. Фелмор — следом. Внутри таверна ничем не отличалась от сотен других: грубые столы, табуретки, дым от очага, липкий от пива пол, стойка, за которой маячил хозяин, и снующие с подносами девушки. В столице таких заведений было навалом, но сейчас, после дней пути в тягостном обществе сверхъестественного существа, это место показалось мне оазисом тепла и жизни. Народу было уже порядочно. В углу, сдвинув столы, устроились парень с девушкой — местные барды. Их простая, душевная мелодия, знакомый мотив... Мне вдруг дико захотелось присоединиться, подпеть, ощутить себя просто человеком среди людей.

Я подошёл к стойке, заказал еду и спросил о свободной комнате. Комната, как и ожидалось, была — в такой глуши путники редкие гости. Хозяин кивнул на свободный столик в углу, сказав, что еду принесут. Я послушно отправился туда и сел. Краем глаза заметил, как Фелмор о чём-то негромко говорил с хозяином, а затем подошёл и устроился рядом. К его молчанию я уже привык.

Спустя несколько минут к нам подошла одна из служанок, поставила передо мной тарелку с едой, хлеб и пару яблок. Я уже собрался поблагодарить её, но она вдруг метнулась в сторону кладовой и через мгновение вернулась с бутылкой вина и двумя кружками.

— Извините, я этого не заказывал, — удивился я.

— А это и не тебе, — сердито буркнул Фелмор, жестом отпуская девушку.

Он взял бутылку, откупорил её и сделал длинный глоток прямо из горлышка. Картина повергла меня в лёгкий ступор.

— Как это понимать? Ты же говорил, что еда тебе не нужна.

— Для выживания — нет. Но я вполне могу её употреблять. С тех пор как стал Хранителем, ни разу не пробовал. Интересно, какой эффект от этого будет, — ответил он и снова приложился к бутылке.

— Но почему именно вино? — не унимался я.

Фелмор сделал ещё один глоток, резко поставил бутылку на стол и повернулся ко мне. Надменная улыбка тронула его губы.

— Потому что алкоголь — самый верный способ проверить, осталось ли во мне что-то человеческое. Да и возраст мой, в отличие от некоторых, позволяет.

Последние слова он произнёс вполголоса, но я расслышал их отчётливо. Внутри всё сжалось от обиды и досады. Это была чистой воды провокация. Он намекал, что я слабак, мальчишка, боящийся выпить. По правде говоря, я никогда не был охотником до хмельного, но сейчас это не имело значения — была задета гордость. Взяв полупустую бутылку, я одним решительным движением опрокинул её в себя. Горьковатая жидкость обожгла горло, желудок сжался в протесте, но я сдержался. Потерпев пару мгновений, я повернулся к Хранителю с победной, хоть и вымученной улыбкой:

— Вино? Это развлечение для девиц на выданье. Настоящий мужчина пьёт что-то посерьёзнее.

С этими словами я встал, подошёл к стойке и попросил чего-нибудь покрепче. Хозяин, усмехнувшись, протянул мне глиняный кувшин с резким, едким запахом. Я сам отнёс его к столу. Фелмор смотрел на меня с нескрываемым удивлением, но я знал — его гордость не позволит отступить. Так же, как не позволила моей.

Однако на его лице промелькнула тень сомнения — а выдержит ли его нынешняя природа такое испытание? Я решил, что это мой шанс. Первым налил себе полную кружку и залпом выпил. С первого же глотка я пожалел о своей бравате. Это пойло было таким крепким, что слёзы выступили на глазах. Как можно получать от этой гадости удовольствие? Стиснув зубы, я допил. Фелмор, не заставляя себя ждать, осушил свою кружку ещё быстрее. Да, опыт у него был явно больше.

Отступать никто не собирался. Осушив первый кувшин, мы заказали второй. Со вторым мне пришлось туго. Мысли начали путаться, в глазах поплыло, по телу разлился неприятный жар. На третьем кувшине я капитулировал. Фелмор, к моему удивлению, не стал злорадствовать.

— Неужели так сложно было удержаться и не начинать эту дурацкую гонку? — спросил он, и в его голосе сквозь лёгкую хрипотцу пробились нотки чего-то, похожего на дружеское участие.

Судя по всему, алкоголь таки подействовал и на него. Мой же разум с трудом цеплялся за реальность.

— Сам виноват! — выпалил я, с трудом выговаривая слова. — Постоянно бесишь меня, ведёшь себя про-во-ка-ци-он-но! Я просто не мог не воспользоваться шансом!

— На себя посмотри! — громко парировал Фелмор. — Ноёшь, как тебя, бедного, втянули спасти мир и какие все вокруг плохие, а между прочим, чем я тебе так насолил?

— А тем, что втянул! Обманул отца, заставил ввязаться! Я жил нормальной жизнью, пока ты со своим «предназначением» не пустил её под откос!

Другие посетители начали коситься на нашу перепалку, ожидая драки. Фелмор на мгновение задумался — или просто пытался собрать спутанные алкоголем мысли.

— Как будто мне самому охота была во всё это ввязываться, — тихо, почти шепотом, сказал он. — Прожить несколько тысяч лет в почти полном одиночестве... Искать нового кандидата каждый раз, когда умирал старый... А потом ещё и нянчиться с обидчивым щенком, который думает только о себе.

Я, хоть и пьяный, услышал в его словах неподдельную горечь.

— Ты живёшь... несколько тысяч лет? — осторожно переспросил я.

— Да, — горько кивнул он. — Я существую с тех самых пор, как предыдущий Создатель избрал меня Хранителем Запада. А до того... я был правителем Миддейна. Не было войны, которую я не смог бы выиграть. Захватил столько земель, что государство стали называть Великим, а меня — королём-героем. Но однажды мне не повезло. Я был смертельно ранен и уже прощался с жизнью, как ко мне пришёл тот человек и предложил вечную жизнь в обмен на слу-

жение. Я не хотел умирать. Согласился. Так я стал Хранителем и потерял всё: семью, трон, свою человеческую сущность. Я находил младенца и ставил печать. Годы шли, а конец эпохи всё не наступал. Когда мой избранник умирал от старости или болезни, мне приходилось искать нового. Это и есть проклятье Хранителей — мы не знаем, когда начнётся гонка. И вынуждены вечно быть начеку.

Меня пронзило острое сочувствие. Если он говорил правду, то передо мной сидел один из величайших королей в истории, чьим именем, если верить легендам, названа нынешняя столица. Получается, его самого когда-то так же обманули?

— А потом, — продолжил он, снова наливая, — я случайно наткнулся на твоего отца. Проживи с моё — научишься видеть людей насквозь. Я понял, что он в отчаянии. Поскольку в прошлой жизни я был магом, исцелить его жену для меня не составило труда. Но главное — цель была достигнута. Я попал в дом, где был младенец. Невинный, чистый... идеальный кандидат. Прости, что пришлось поступить так. Тебе просто не повезло, что конец эпохи наступил именно сейчас. Начнись он лет на сто раньше или позже, мы бы никогда и не встретились...

Он осушил кружку, поставил её на стол и закрыл лицо руками. Плечи его слегка содрогнулись. Мне стало нестерпимо жаль его и стыдно за свою враждебность. Получается, мы оба были жертвами обстоятельств.

— Прости меня, Фелмор, — хрипло сказал я, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. — Ты прав... Я просто испуганный ребёнок. Если бы знал всё это раньше...

— И ты меня прости, — перебил он, глотая воздух. — Мне и впрямь стоит иногда к тебе прислушиваться. В конце концов, мы команда. Если хотим дойти до конца — должны держаться вместе!

После этих слов мы, два пьяных, несчастных дурака, разрыдались и по-братски обнялись. Глубоко внутри, сквозь алкогольную пелену и горечь, я почувствовал странное облегчение. Конфликт был исчерпан. Спустя несколько минут, утирая слёзы и допивая последние капли, мы уже хором, нестройно, но от души подпевали барду в дальнем углу.

На улице уже давно стемнело, но хмель так крепко опутал сознание, что об уходе не было и мысли. Мы веселились со всеми, смеялись, пока веселье не было грубо прервано. Музыка смолкла, голоса затихли, служанки поспешно ретировались на кухню. Я с трудом сообразил, в чём дело, и тогда увидел: в таверну уверенной, развязной походкой вошла группа молодых парней. Их вёл невысокий, но коренастый юнец со злым, наглым взглядом. Мне он с первого взгляда не понравился. И не только мне.

— Это сын нашего мэра, — прошептал мне сосед, наклоняясь. — Шайка его — «Дворовые псы» как их прозвали в народе. Появление их ничего хорошего не сулит. Не лезьте, не то беда случится.

Я и не собирался лезть. Мы с Фелмором решили просто наблюдать. Несколько человек поспешили ретироваться, что вызвало у «псов» хриплый смех. Они прогнали людей с самого большого стола, уселись сами и громко потребовали лучшего вина. Требовал, конечно, их предводитель. Хозяин таверны, на лице которого читалась привычная тревога, поспешил исполнить заказ.

Один из шайки подошёл к музыканту и грубо велел играть. Девушка, певшая с ним, неуверенно затянула весёлую песенку, но бандит прервал её, схватил за руку и потащил к столу. Её спутник сделал вид, что не замечает, отвёл взгляд и продолжил брэнчать что-то бессвязное. Девушка сопротивлялась, умоляла отпустить, но это лишь распаляло компанию. У стола наглец рывком усадил её себе на колени и начал непристойно обнимать под одобрительный гогот дружков. Бедняга от страха замерла, лишь тихо всхлипывая и бросая вокруг беспомощные взгляды.

У меня сжалось сердце. Мы с Фелмором переглянулись — и без слов поняли друг друга. В его взгляде читалась та же решимость, что и в моём сердце. Опыянный разум мгновенно

отбросил всякую осторожность. Отец учил меня заступаться за слабых. Молча, в унисон, мы поднялись и, слегка пошатываясь, направились к столу хулиганов.

Те, будучи трезвее, заметили наше приближение и разом встали, кроме их главаря, который продолжал помогать девушке.

— Чего надо? — грубо цыкнул самый крупный из них, явно выполнявший роль «горы мышц».

— Немедленно отпустите девушку! — прозвучало из моих уст куда твёрже, чем я ожидал.

— Она не желает с вами общаться! — поддержал Фелмор, стараясь придать своему голосу властные нотки.

Ответом был оглушительный, похабный хохот. Предводитель, наконец оторвавшись от своей жертвы, медленно перевёл на нас взгляд, полный презрения.

— Вам бы лучше так не разговаривать. Мало ли что может случиться с наглецами?

— Я ни тебя, ни твою шайку «облезлых дворняг» не боюсь! — выпалил я, и алкоголь придал моим словам не нужной смелости. — Не трус — реши спор по-мужски!

Парни заржали ещё громче. Да, мы и впрямь выглядели комично: двое нетвёрдо стоящих на ногах пьяниц, вызывающих на драку.

Внезапно один из них, тот самый «бугай», резко толкнул меня в грудь. Я не удержался и грохнулся на пол, опрокинув соседний стол. Хохот взметнулся к потолку, но также резко оборвался, когда я вскочил и, изо всех сил размахнувшись, врезал ему в челюсть. На этот раз уже он полетел на пол, снося ещё один стол. В таверне повисла звенящая тишина.

Главарь медленно поднялся, отшвырнул от себя девушку, и его лицо исказила злобная гримаса.

— Сами напросились, ублюдки. Ребята, в бой!

Они бросились на нас толпой. Фелмор, стоит отдать ему должное, держался превосходно. Движения его были точны и стремительны, несмотря на хмель. Он умудрился вырубить одного подонка, ловко уворачиваясь от ударов другого. Мне же достались сам бугай и сынок мэра. Пятый всё ещё лежал, оглушённый моим ударом.

Драться пьяным — занятие неблагоприятное. Тело не слушается, реакции заторможены. Но спасибо отцовским тренировкам — какие-то приёмы въелись в мышечную память. Я рефлексивно знал, как блокировать, как бить. По мне, конечно, тоже попадали, но ничего серьёзного. Я держался, пока Фелмор не разобрался со своими противниками и не пришёл на помощь. Вместе мы быстро уложили оставшихся. Через несколько минут вся пятёрка корчилась на полу в разных частях таверны.

Мы собственноручно выкинули их на улицу, после чего помогли хозяину расставить мебель. Он, конечно, понимал, что проблемы из-за этого побоища теперь лягут на него, но в его глазах читалась и благодарность. Наконец-то кто-то дал отпор этим негодяям. Когда порядок был восстановлен, я вручил хозяину несколько монет и попросил показать нашу комнату. Он пытался уговорить нас уйти, пока не поздно, но я настаивал. В конце концов он сдался, но предупредил: если придёт стража, покрывать нас не станет. Мозг уже отказывался соображать — к опьянению прибавилась дикая усталость. Я едва успел скинуть сапоги и плюхнуться на кровать, как мгновенно провалился в беспамятство.

Проснулся я от адской жажды и раскалывающейся головы. Первым делом меня охватила тошнота, и я, к счастью, успел воспользоваться стоявшим у кровати ведром. Тошнота отступила, но головная боль, тупая и всепроникающая, осталась. Начиная медленно вспоминать вчерашний вечер, я понял, что похмелье — не единственная причина моего состояния. Смутно припоминался удар чем-то тяжёлым по голове во время драки — бутылкой, кажется. Я встал, подошёл к грязному зеркальцу на столе, протёр его рукавом и взглянул на своё отражение. На меня смотрел бледный, зеленоглазый парень с тёмными взъерошенными волосами и запёкшейся кровью над левой бровью. Выглядело это куда страшнее, чем ощущалось. Я поспешил

умыться. Стало чуть лучше, но общее самочувствие оставалось отвратительным. Ну надо же, какой я стойкий, — мелькнула горькая мысль. Я бы, может, даже немного этим гордился, если бы не тупая, гудящая боль в затылке.

Фелмор всё ещё спал — или делал вид. Я начал беспокоиться и легонько потряс его за плечо. Он недовольно что-то буркнул, отмахнулся и начал тяжело переворачиваться на другой бок. Только вот кровать к этому моменту уже закончилась. С глухим, металлическим стуком он свалился на пол, подняв облако пыли. Конечно, в полном комплекте брони падать больно, но за то это окончательно привело его в чувство. Он медленно поднялся, держась за край кровати, и я увидел, что выглядит он не лучше меня: помятый, с синяком под глазом, волосы выбились из хвоста. Судя по тому, как он скорчился, его тоже мутило.

— Я считаю, эксперимент удался, — хрипло произнёс он, с трудом поднимаясь на ноги.

— Эксперимент? — я на секунду задумался, не сразу сообразив. — Ах, да, конечно...

Внизу послышался нарастающий шум — гул голосов, тяжёлые шаги. Поначалу я не придал ему значения, но потом, словно ледяной водой окатило, вспомнил всё. Драка. Сын мэра. Я напрягся, уставившись на дверь.

В следующее мгновение она с треском распахнулась. В комнату ворвались пятеро стражников в полном боевом снаряжении. За их спинами виднелась знакомая, теперь ещё более помятая и злобная физиономия главаря «Дворовых псов». Кто только придумал им такое идиотское название?

— Вы арестованы за нарушение общественного порядка и нападение на уважаемых граждан города! — командным голосом объявил старший. — На основании данных обвинений вы будете препровождены в темницу для дальнейшего разбирательства. Взять их!

Чёрт возьми! Только сейчас до меня в полной мере дошло, во что мы ввязались. Быть арестованным в этой дыре, в сотнях миль от дома, — этого в планы точно не входило. Я в панике посмотрел на Фелмора. Несмотря на состояние, он оценивал ситуацию с холодной ясностью. Наши взгляды встретились, и он крикнул:

— Бежим!

Одним резким движением он сбил с ног ближайшего стражника, освобождая проход. Я, не раздумывая, рванул за ним. Видимо, сопротивление при аресте было для местной стражи в диковинку — они растерялись на секунду, и этого нам хватило.

Забыв про головную боль, мы помчались по коридору, чуть не снесли с ног служанку на лестнице, выскочили вниз и ринулись в лабиринт улочек. В панике трудно было сообразить, где выход. Мы сворачивали наугад, забегали в тупики, разворачивались и бежали снова. Сердце колотилось, выпрыгивая из груди, дыхание стало хриплым и прерывистым. Фелмор, несмотря на броню, держался молодцом — если ему не нужно ни спать, ни есть, то и чувство усталости для него чуждо. И вот, наконец, в просвете между домами мелькнули ворота. У них, к счастью, стояло лишь двое караульных, и они ещё не были предупреждены. Шанс! Нужно было просто проскочить мимо и раствориться в ближайшем лесу. Сзади уже слышались крики и топот погони.

Я прибавил скорости, уже почти чувствуя вкус свободы. И в этот момент мостовая, будто назло, предательски подставила мне ногу. Я споткнулся о выпирающий из булыжника камень, потерял равновесие и с грохотом растянулся на земле, больно ободрав ладони и колени. Фелмор, уже почти у ворот, обернулся, увидел меня и остановился. Он сделал шаг ко мне, чтобы помочь подняться, но было уже поздно.

Преследователи настигли нас. Несколько крепких рук вцепились в меня, грубо скрутили за спиной. Фелмор, возможно, мог бы оказать сопротивление, но не стал. Всё было кончено. Закончив со мной, стража набросилась и на него. Он не сопротивлялся, лишь обменялся со мной коротким, тяжёлым взглядом.

Нас грубо подняли на ноги и поволокли обратно, вглубь города, под улюлюканье уже собравшихся зевак. Мы ничего не могли сделать. Только покорно идти и надеяться, что как-нибудь выпутаемся из этой новой, ещё более мрачной передряги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.